

К истории церковного просвещения в России второй половины XIX — начала XX в. (Победоносцев, Рачинский, Ильминский)

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды и деятельность видных деятелей церковного просвещения второй половины XIX в. — С. А. Рачинского и Н. И. Ильминского. Первый из них создал сеть церковных школ для народа в своём имении Татево Смоленской губернии и его окрестностях, долгие годы преподавал в них. Второй в 1872–1891 гг. занимал пост директора Казанской инородческой учительской семинарии — центрального учебного заведения миссионерского типа в Поволжье, деятельность которого была нацелена на поддержание православия в среде христианизированных народов региона. Оба педагога опирались на поддержку видного государственного деятеля, публициста и мыслителя, одного из лидеров консервативного лагеря, обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Для активистов начального обучения в церковном духе были характерны настроения своеобразного консервативного народничества — представления о том, что в среде простонародья хранятся ценности, способные спасти общество от социальных потрясений (простота, патриархальность, верность традициям, истинная религиозность). Начинания Рачинского и Ильминского были нацелены на сохранение подобных качеств в среде

русского крестьянства и «малых» народов Поволжья — тех социальных групп, которые, по мнению просветителей, были в наибольшей степени удалены от разрушительных тенденций идейно-политического развития второй половины XIX в. Подобные установки во многом соответствовали идеям Победоносцева. Знаменитый консерватор, подобно Рачинскому и Ильминскому, считал, что охватившие пореформенную Россию потрясения вызваны чрезмерным развитием индивидуализма, стремлением перестроить исторически сложившийся уклад на отвлечённых теоретических началах и противовес данным явлениям следует искать в настроениях простонародья. Деятельность Рачинского и Ильминского стала заметным явлением общественной жизни России второй половины XIX — начала XX в., отразила её важные особенности.

Ключевые слова: К. П. Победоносцев, С. А. Рачинский, Н. И. Ильминский, церковная школа для народа, консерватизм, народничество, опрощение, народы Поволжья.

Для цитирования: Полунов А. Ю. К истории церковного просвещения в России второй половины XIX — начала XX в. (Победоносцев, Рачинский, Ильминский) // Ортодоксия. — 2021. — № 3. — С. 291–304. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-291-304

В общественно-политической и духовной жизни России второй половины XIX в. заметное место занимали идейные системы, опиравшиеся на попытки синтеза религиозных начал и близких к народничеству настроений, истолкованных в консервативном духе. Последние включали в себя представления о том, что в среде простонародья хранятся ценности, способные спасти общество от социальных потрясений (простота, патриархальность, верность традициям, истинная религиозность). Подобные воззрения нашли отражение в церковной и светской публицистике, ими руководствовался ряд видных деятелей в сфере народного образования, оказали они влияние и на начинания некоторых известных политиков, в частности видного консерватора, одного из самых влиятельных сановников конца XIX — начала XX в., обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Представляется важным проанализировать данные воззрения, выявить их истоки, определить значение для сферы

народного просвещения, игравшей в развитии пореформенной России чрезвычайно важную роль.

Стимулом к распространению консервативных настроений во второй половине XIX в. послужило разочарование значительной части общества в последствиях Великих реформ 1860–70-х гг., опиравшихся на принципы свободы, раскрепощения личной инициативы. Результаты реформаторского процесса — подъём антиправительственных движений («нигилизм»), обострение розни между различными слоями общества, экономические трудности, распространение нравственных пороков — никак не соответствовали радужным надеждам, которые возлагались на преобразования в период их разработки. Первопричина потрясений, по мнению консерваторов, коренилась в порочности идей, положенных в основу Великих реформ — проповеди индивидуализма, личностного начала, разрушавшего коллективистскую основу общества. «Жизнь наша стала до невероятности уродлива, безумна и лжива... оттого, что исчез всякий порядок, пропала всякая последовательность в нашем развитии... Самолюбия, выроставшие прежде ровным ростом в соответствии с обстановкой и условиями жизни, стали разом возникать, разом подниматься во всю безумную величину человеческого “я”, не сдерживаемого никакой дисциплиной, разом вступать в безмерную претензию отдельного “я” на жизнь, на свободу, на счастье», — писал по этому поводу К. П. Победоносцев, уже в 1860-е гг. игравший заметную роль в правительственных верхах (Победоносцев 1996: 324).

Утверждение личности нового типа, проникнутой самомнением, эгоцентризмом, было, по мнению консерватора, заметно уже в период разработки реформ. Опираясь на рационалистические, оторванные от реальной жизни схемы, преобразователи самонадеянно стремились реформировать исторически сложившийся общественный уклад на основе заимствованных с Запада шаблонов. По мнению Победоносцева, теоретики-либералы, планируя реформы, «вывели формулу из великого множества фактов и явлений, но не могли исчерпать всего бесконечного их разнообразия, всего ряда комбинаций, которые в каждом данном случае представляются». «Когда рассуждение отделилось от жизни, оно становится искусственным, формальным и вследствие того мёртвым, — писал о подобных прожектах сановный публицист. — К предмету подходят и вопросы решаются с точки зрения общих положений... скользят по поверхности, не углубляясь внутрь предмета» (Победоносцев

1996: 307, 327). Искусственным, рационалистическим схемам Победоносцев противопоставлял исконную мудрость, хранимую — зачастую бессознательно — людьми, приверженными силе инерции, опирающимися на верность историческим преданиям. «Во всяком деле жизни действительной, — утверждал консерватор, — мы более полагаемся на человека, который держится упорно и безотчётно мнений, непосредственно принятых и удовлетворяющих инстинктам и потребностям природы, нежели на того, кто способен изменять свои мнения по выводам своей логики, которые в данную минуту представляются ему неоспоримым гласом разума» (Победоносцев 1996: 310–311).

Влияние принципов рационализма в XIX в. было шире всего распространено в среде образованного общества, интеллигенции, и это обстоятельство побуждало Победоносцева уделять особое внимание народу, прежде всего крестьянству, основная часть которого и после Великих реформ пребывала в лоне традиционно-патриархального уклада. В значительной степени знаменитый консерватор разделял широко распространённые в русском обществе того времени настроения — преклонение перед социальными низами, придавая ему, разумеется, консервативное звучание. По словам современного исследователя В. В. Ведерникова, «своеобразное православно-монархическое народничество сближало Победоносцева с Ф. М. Достоевским» (Ведерников 1997: 42). Отметим, что «религиозным народником» называл Достоевского ещё Н. А. Бердяев (Бердяев 1991: 110). Г. В. Флоровский, уделивший немало внимания анализу мировоззрения обер-прокурора, подчёркивал, что тот «по-своему был народником и почвенником» (Флоровский 1991: 410).

Свои взгляды Победоносцев стремился активно проповедовать в обществе и в верхах, в том числе внушал их своему бывшему ученику цесаревичу Александру Александровичу, впоследствии императору Александру III. «Душа нашего народа — великое сокровище и великая сила, которой не понимают, к сожалению, многие, хотя и добрые люди, ходящие в раззолоченных мундирах», — писал обер-прокурор царю 10 мая 1883 г. (Письма К. П. Победоносцева к Александру III 1926: 32). На рубеже 1870–80-х гг., когда самодержавие находилось в ситуации глубокого кризиса, напрягало силы в борьбе с революционным движением, Победоносцев в письмах к августейшему ученику последовательно проводил мысль о необходимости опоры на здоровую народную среду, жителей провинции в противовес испорченным столичным слоям — интеллигенции, бюро-

кратии. «Впечатления петербургские крайне тяжелы и безотрадны, — говорилось, в частности, в письме от 10 марта 1880 г. — Добрые впечатления приходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там ещё цел родник, от которого дышит ещё свежестью: оттуда, а не отсюда наше спасение. Там есть люди с русской душой, делающие доброе дело с верой и надеждой» (Письма К. П. Победоносцева к Александру III 1925: 32). Именно скромные труженики провинции — сельские священники, учителя, благотворители, живущие рядом с народом и духовно близкие к нему, должны были, по мнению консерватора, внести решающий вклад в борьбу с охватившими Россию разрушительными тенденциями. «Отраднo видеть, — писал он в 1879 г. своей доверенной корреспондентке Е. Ф. Тютчевой, — что по углам России в тишине живут и действуют люди этого рода»¹.

Одним из ярких примеров работы самоотверженного труженика «в глухом углу», показателем того, «что может сделать в своём кругу один добрый человек, ясно видящий путь перед собой»², были для Победоносцева начинания сельского педагога С. А. Рачинского. Биография Рачинского являла собой пример своеобразного «опрощения». Состоятельный помещик, человек высокой культуры, профессор Московского университета, завсегда́тай интеллектуальных салонов 1850–60-х гг., Рачинский в 1868 г. вышел в отставку, поселился в имении своей сестры Татеево Смоленской губернии и начал там с 1875 г. обучать детей в сельской школе. Одним из стимулов начинаний бывшего профессора было стремление соприкоснуться с народом в той сфере, которая приобретала особое значение во второй половине XIX в. — в области просвещения, понять истинные потребности простых людей. Последние, по мнению просветителя, заключались в стремлении получить образование, но непременно на религиозной основе. «В противоположность школам западным, — полагал педагог, — наша сельская школа возникает при весьма слабом участии духовенства, при глубоком равнодушии образованных классов и правительственных органов, из потребности безграмотного населения дать своим детям известное образование». Подобные учебные заведения, при всех их недостатках, «не только остаются нетронутыми нигилистической пропагандой», но, под влиянием ро-

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 51 об. (письмо от 7 октября 1879 г.).

² Письмо Победоносцева Т. И. Филиппову от 1 августа 1882 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2414. Л. 21.

дителей, «приобретают всё более религиозный, церковный характер, и центральным предметом преподавания всё больше становится в них — Закон Божий» (Рачинский 2019: 58, 59).

Поклонение «простецам», характерное для Победоносцева, было выражено у Рачинского ещё более ярко, оно бросалось в глаза и современникам, и историкам. Специалист по истории народного образования в России П. Ф. Каптерев характеризовал бывшего профессора как «глубокого народника» (Каптерев 2004: 453). По словам американского биографа Победоносцева Р. Бирнса, татевского просветителя «можно было назвать лидером состоявшего из одного человека христианского “хождение в народ”» (Vignes 1968: 274). Интересно, что сам сельский педагог проявлял интерес к «хождению в народ» революционной интеллигенции, упоминал его в своих сочинениях. В этом движении он видел «тёмное, но искреннее стремление убежать от условий разлагавшегося ложного общественного строя» (Рачинский 2019: 320).

Уберечься от угроз, которые несло в себе разложение общества, можно было, соприкоснувшись с чистыми, неиспорченными нравами, хранившимися в простонародье под покровом внешней грубости и «темноты». «В них нет и следа того отвратительного скверномыслия и сквернословия, которыми заражены наши городские учебные заведения, в особенности столичные, — писал Рачинский о крестьянских детях. — В нормальной крестьянской жизни нет места тем преждевременным возбуждениям воображения, тем нездоровым искушениям мысли, которыми исполнен быт наших городских классов» (Рачинский 2019: 72–73). Простота, отличавшая народ от образованных верхов, давала поистине чудодейственный эффект в самых разных сферах деятельности, в том числе в области школьных начинаний. Крестьянский мальчик, проучившийся некоторое время в школе, подчёркивал Рачинский, «способен целыми часами заниматься с целым классом новичков — учить их с жаром, с толком, с увлечением и приковывает их внимание не хуже другого патентованного учителя» (Рачинский 2019: 71). «Если я чему-нибудь научился в течение моей школьной практики, — утверждал татевский просветитель, — то, конечно, не от записных педагогов, не от учителей казённого изделия, но от учителей-крестьян, никогда не покидавших своего глухого угла, не знавших иной школы, кроме сельской» (Рачинский 2019: 149).

Культ простоты, определявший педагогические установки Рачинского, не был для него отвлечённым идеологическим конструктом,

он определял особенности повседневной жизни педагога, его общения с учениками вне школы. По словам современной исследовательницы О. Е. Майоровой, татевский просветитель стремился создать «островок», где грамотность стала бы естественным состоянием народа. Сам Рачинский в письме к Победоносцеву отмечал, что его школа к началу 1890-х гг. обрела необычный облик — носила характер своеобразного «светского монастыря с постоянно живущей в нём братией, с широким гостеприимством» (Майорова 1994: 62–63). Бывший профессор перебрался из барской усадьбы в здание общежития при школе, отказался от слуг и европейской кухни, сменил дворянское платье на простонародное. Выпускники школ Рачинского составляли своего рода большую семью — поддерживали переписку со своим наставником, приезжали гостить в Татеево.

Дабы поддержать цельность этой своеобразной «семьи», Рачинский принимал все меры к тому, чтобы её члены оставались в лоне привычной для них обстановки, социального уклада. Наилучшим поприщем для них считалась работа в качестве сельского учителя, священника, церковнослужителя. Как правило, педагог не поощрял стремление питомцев продолжать обучение в средних учебных заведениях — не в силу обскурантизма, а из опасений, что городская среда разрушит присущие им патриархальные добродетели. Данный компонент образовательной системы Рачинского особенно ценился Победоносцевым. «Помоги Вам Боже, — писал обер-прокурор татевскому просветителю 26 мая 1881 г., — помоги Боже сохранить и в своей мысли, и в мысли детей Ваших — простоту: без простоты пропадёт всякое дело»³.

Настроения и установки, которыми руководствовался татевский педагог, не были, как отмечалось выше, чем-то уникальным для пореформенной России. Их в той или иной степени разделяли многие публицисты, государственные, церковные и общественные деятели, работавшие на ниве народного просвещения. Наиболее близок к Рачинскому по взглядам был ещё один протеже Победоносцева — Н. И. Ильминский, специализацией которого было христианское просвещение «иностранцев», прежде всего малых народов Поволжья.

Жизненный путь поволжского просветителя во многом напоминал биографию Рачинского и также нёс на себе печать стремления

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. Январь–август 1881 г. Л. 124 об.

к «опрощению». Сделавший успешную научную карьеру в области лингвистики и востоковедения, Ильминский — профессор Казанского университета и член-корреспондент Академии наук — получил известность прежде всего как директор Казанской инородческой учительской семинарии, которую он возглавлял с 1872 г. до конца жизни (1891 г.). Малые народы Поволжья, с которыми он работал, — крещёные татары (кряшены), христианизированные чуваша, удмурты, мордва, марийцы — воспринимались им как носители простоты, патриархальности и религиозности, т. е. выполняли ту роль, которую в воззрениях Рачинского играло русское простонародье. Возможно, с этой ролью они справлялись даже лучше, ибо в большей степени, нежели русские крестьяне, были отдалены от разрушительных веяний современности.

«Согласно представлениям Ильминского, — подчёркивает американский историк Р. Джераси, — Россия была более молодой и невинной, чем Запад, а российские восточные инородцы были ещё моложе и невиннее, чем сами русские. Более того — по его мнению, эти новые члены большой российской семьи даже могли восстановить эти качества и в самих русских людях» (Джераси 2013: 98). Представители малых народов, даже ещё не принявшие крещения, вызывали у поволжского просветителя симпатию, ибо обладали простым мировосприятием, опирались на представления, в рамках которых добро чётко отделялось от зла (Колчерин 2014: 463). «Простые, добрые и искренние люди, Божии младенцы, которым благоволил Отец Небесный открыть Свои тайны», — так характеризовал Ильминский своих учеников из числа «инородцев» (Из письма Победоносцеву. См.: (Колчерин 2014: 291)). Патриархальность, хранимую в среде «Божиих младенцев», необходимо было всячески оберегать от разрушения, поэтому просвещение следовало нести им в особой форме — через учителей и священников из их собственной среды, путём организации обучения на языках данных народов и с помощью перевода учебной и церковной литературы на эти языки.

Языковая стихия являлась той сферой, с которой были связаны наиболее глубокие, фундаментальные установки психологии «инородцев», и проникнуть в эту среду чужаку оказывалось непросто. Ограниченность рациональных приёмов и методов исследования и обучения, к которым так скептически относился Победоносцев, проявлялась здесь в наибольшей степени. Ильминский целиком разделял этот скепсис.

«Мышление народа и всё его мирозерцание выражается на его родном языке... — утверждал, по словам обер-прокурора, казанский педагог. — Чтобы преподавание истины глубоко укоренилось в сознании простолюдина, надобно войти в его мирозерцание, принять его понятия за данное и развивать их» (Победоносцев 1996: 155). Требовалось в максимальной степени овладеть языком «инородца», слиться с ним, а ещё лучше — владеть этим языком от рождения.

С последним обстоятельством было связано особое внимание, которое Ильминский уделял подготовке священников и учителей из числа местных народов. По оценкам Р. Джераси, благодаря деятельности казанского просветителя посвящение духовных лиц из числа «инородцев» приобрело во второй половине XIX в. беспрецедентные масштабы, что вызвало в начале XX столетия резкую критику со стороны русских националистов (Джераси 2013: 87). При этом, как и Рачинский, Ильминский не рекомендовал своим ученикам поступать в средние светские и даже духовные заведения. Не только городское училище, гимназия, но и духовная семинария могли оторвать «Божиих младенцев» от исконной простоты и привить им воззрения, которые окажутся разрушительны для их патриархальных ценностей.

Следует ещё раз повторить, что для поволжского просветителя, как и для татевского педагога, подобная установка не была следствием обскурантизма, а отражала убеждения, связанные с чрезвычайно высокой оценкой простоты как духовного качества. У обоих деятелей народного просвещения эти убеждения определяли не только педагогическую практику, но и повседневный уклад жизни. Стремясь к максимальной естественности, органичности во взаимоотношениях с учениками, Ильминский отвергал в своей семинарии всякий формализм — вплоть до того, что здесь не было оценок и экзаменов. Такие установки были близки Победоносцеву, негативно относившемуся к любым теориям, в том числе педагогическим. «Разделяю Ваше недоверие к действию уставов и к деятельности Комиссий и съездов», — обращался обер-прокурор к своему региональному сподвижнику. Ключом к мастерству обучения в его глазах служили практика, опыт, а не изучение специальных курсов вроде дидактики — «дребедень, которую всякий попавшийся берётся преподавать по сочинённым из немцев компиляциям». «С тех пор, как у нас обленились государственные люди, увлеклись теориями, с 60-х годов, дано этому делу ложное направление», — утверждал

обер-прокурор, жалуясь на засилье всевозможных «регламентов и инструкций»⁴.

Культ простоты, естественности, пронизывавший воззрения Ильминского, проявлялся и в его поведении, манере общения с людьми, укладе жизни. «Беседа его была ни с чем не сравненная, всегда с солью, всегда в простоте, чуждой всякой аффектации», — вспоминал о своём соратнике Победоносцев (Победоносцев 1996: 160). Для переписки, которую казанский просветитель вёл с широким кругом людей — от высокопоставленных сановников до выпускников своих школ и рядовых «инородцев», — был характерен особый, доверительный тон. Даже с официальными лицами, по словам профессора Казанской духовной академии П. В. Знаменского, он говорил «почтительным, но простым, совершенно партикулярным и сердечным языком, откровенно высказывая всё, что ему хотелось сказать» (Цит. по: (Колчери́н 2014: 282)). Неудивительно, что в глазах многих современников, в том числе всемогущего обер-прокурора Синода, Ильминский предстал человеком необычайно цельным, самоотверженным и преданным своей миссии. Как и Рачинский, он пользовался всемерной поддержкой со стороны Победоносцева.

В целом, как отмечалось выше, идейные системы, опиравшиеся на консервативное истолкование близких к народничеству настроений, сыграли значительную роль в жизни пореформенной России. Они отражали — в специфической форме — духовные искания, которые были характерны для самых разных кругов общества и в этом смысле стали примечательным явлением эпохи. Революционные потрясения начала XX в. нанесли тяжёлый удар по наследию Победоносцева и его соратников, однако традиции, связанные с их деятельностью, до известной степени сохранились в церковной среде и в настоящее время привлекают к себе внимание исследователей.

⁴ Письма Победоносцева Ильминскому от 13 июня 1884 г.: 25 июля 1885 г., 7 февраля 1890 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1574. Оп.1. Д. 146. Л. 21, 35, 61.

Сведения об авторе

Полунов Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, 27к4; e-mail: polunov@sra.msu.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Н. А. Бердяев о русской философии. — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. — С. 26–148.

Ведерников В. В. «Московский сборник» К. П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 1997. — № 2. — С. 39–46.

Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. — М. : НЛО, 2013. — 548 с.

Каптерев П. Ф. История русской педагогики. — СПб. : Алетейя, 2004. — 560 с.

Колчерин А., свящ. Христианизация народов Поволжья. Н. И. Ильминский и православная миссия. — М. : РИСИ, 2014. — 463 с.

Майорова О. Е. Московский петиметр (из истории русского утопизма) // Лица. Биографический альманах. — Т. 4. — М.-СПб. : Феникс-Atheneum, 1994. — С. 54–71.

Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. I. — М. : Новая Москва, 1925. — 448 с.

Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. II. — М. : Новая Москва, 1926. — 382 с.

Победоносцев К. П. Сочинения. — СПб. : Наука, 1996. — 509 с.

Рачинский С. А. Народная педагогика. — М. : Русская цивилизация, 2019. — 624 с.

Флоровский Г. В. Пути русского богословия. — Вильнюс, 1991. — 600 с.

Byrnes R. Pobedonostsev: His Life and Thought. — Bloomington: Indiana University Press, 1968. — 495 с.

On the History of Religious Education in Russia in the Second Half of the Late 19th — Early 20th Century (Pobedonostsev, Rachinsky, Ilminsky)

A. Yu. Polunov

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract: The article examines the views and the work of S. A. Rachinsky and N. I. Ilminsky, the prominent religious enlightenment figures in the second half of the 19th century. The former had created a network of church schools for the common people in his estate Tatevo in Smolensk province and its environs, and spent a number of years teaching there. The latter in 1872–1891 held the position of a Director in Kazan Seminary for Teachers of Non-Russian Origin — the central educational institution of the missionary type in the Volga region, aimed at maintaining Orthodoxy among the Christianized peoples of the area. Both educators received the support of K. P. Pobedonostsev, the prominent statesman, publicist and notionalist, one of the leaders of the conservative camp and the chief prosecutor of the Holy Synod. The activists of the religion-based primary education shared the views of specific conservative populism based on the idea of common people possessing a set of values that could potentially prevent the society from social upheavals (such as simplicity, patriarchal relations, loyalty to traditions, true religiosity).

Rachinsky's and Ilminsky's initiatives were aimed at preserving such qualities among the Russian peasantry and the "smaller" nations of the Volga region — social groups that, according to the educators, had managed to stay most aloof from the destructive tendencies of ideological and political development of the second half of the 19th century. Such views in many respects corresponded to the ideas of Pobedonostsev. The famous conservative shared the belief of Rachinsky and Ilminsky that the cause of upheavals that engulfed the post-reform Russia had been the excessive development of individualism and the desire to reconstruct the historically established way of life according to abstract theoretical principles, and that the counterbalance to these phenomena could only be found in the moods of the common people. Rachinsky's and Ilminsky's work became a noticeable phenomenon of public life in Russia in the second half of the 19th — early 20th century, and reflected its important features.

Keywords: K. P. Pobedonostsev, S. A. Rachinsky, N. I. Il'minsky, church school for commonalty, conservatism, narodnik movement, adoption of the "simple life", peoples of the Volga region.

For citation: Polunov A. Yu. (2021). On the History of Religious Education in Russia in the Second Half of the Late 19th — Early 20th Century (Pobedonostsev, Rachinsky, Ilminsky). *Orthodoxia*, (3), 291–304. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-291-304

About the author:

Alexander Yurievich Polunov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Management in the Sphere of Interethnic and Interfaith Relations, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, 27-4, Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia, 119991; e-mail: polunov@spa.msu.ru

REFERENCES

Berdyayev, N. A. (1991). Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's Worldview]. In *N. A. Berdyayev o russkoi filosofii* [N. A. Berdyayev on Russian Philosophy] (pp. 26–148). Sverdlovsk: Ural University Press. [In Russian].

Byrnes, R. (1968). *Pobedonostsev: His Life and Thought*. Bloomington: Indiana University Press.

Florovsky, G. V. (1991). *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian Theology]. Vilnius. [In Russian].

Gerasi, R. (2013). *Okno na Vostok: imperiia, orientalizm, natsiia i religiiia v Rossii* [Window on the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Moscow: NLO. [In Russian].

Kapterev, P. F. (2004). *Istoriia russkoi pedagogii* [History of Russian Pedagogy]. Saint Petersburg: Aletheia. [In Russian].

Kolcherin, A., priest. (2014). *Khristianizatsiia narodov Povolzh'ia. N. I. Il'minsky i pravoslavnaia missiia* [Christianization of peoples of the Volga region. N. I. Il'minsky and the Orthodox Mission]. Moscow: RISI. [In Russian].

Maiorova, O. E. (1994). Moskovsky petimetr (iz istorii russkogo utopizma) [Moscow Petimeter (From the History of Russian Utopianism)]. *Litsa. Biografichesky al'manakh* [Faces. Biographical almanac] (Vol. 4, pp. 54–71). Moscow, Saint Petersburg: Phoenix-Atheneum. [In Russian].

Pis'ma K. P. Pobedonostseva k Aleksandru III. T. 1 [Letters of K. P. Pobedonoscev to Alexander III of Russia. Vol. 1]. (1925). Moscow: New Moscow. [In Russian].

Pis'ma K. P. Pobedonostseva k Aleksandru III. T. 2 [Letters of K. P. Pobedonoscev to Alexander III of Russia. Vol. 2]. (1926). Moscow: New Moscow. [In Russian].

Pobedonostsev, K. P. (1996). *Sochineniia* [Written Works]. Saint Petersburg: Science. [In Russian].

Rachinsky, S. A. (2019). *Narodnaia pedagogika* [Folk Pedagogy]. Moscow: Russian civilization. [In Russian].

Vedernikov, V. V. (1997). "Moskovsky sbornik" K. P. Pobedonosceva i krizis ideologii poreformennogo samodержaviiia [K. P. Pobedonostsev's Moscow Collection and the Crisis of the Ideology of the Post-Reform Autocracy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 4* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4], (2), 39–46. [In Russian].